

Взаимоотношения религии и науки в современном мире: философский анализ модели интеграции

Т. Н. Клементьева

кандидат философских наук, доцент кафедры философии,
Новосибирский государственный медицинский университет.
Россия, г. Новосибирск. ORCID: 0000-0002-7314-4633. E-mail: tklementyeva@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению моделей взаимоотношений религии и науки в современном мире. Актуальность данной темы обусловлена тем, что эти две сферы знаний и представлений неизбежно пересекаются при обсуждении основных метафизических вопросов, причем современные научные теории все больше вторгаются в сферу традиционных религиозных представлений. Автором описаны основные модели отношений религии и науки, предлагаемые в современной литературе: несовместимость и конфликт, независимость, дополнение и диалог, синтез и интеграция. Предметом данного исследования стала модель интеграции религии и науки. Цель исследования заключалась в том, чтобы проверить, действительно ли данная модель описывает современные процессы в области представлений, находящихся на пересечении науки и религии. В результате было показано, что религия и наука изучают разные, но пересекающиеся области одной реальности. По мере развития науки и используемых ей методов исследования область научных знаний расширяется за счет проникновения в сферу религиозных представлений. Именно на границе научного и религиозного знания возникает та область, в которой с помощью философии может быть осуществлен их синтез. Анализ представлений о неоднородности Вселенной и о катастрофизме в религии и науке показал, что сфера научного знания расширяется за счет создания теорий о ненаблюдаемых объектах и явлениях, а также за счет изучения ранее недоступных процессов. В результате наука внедряется в сферу традиционного влияния религиозных представлений, но при этом не опровергает их, а углубляет и уточняет. В научных теориях появляются понятия, аналогичные по своему содержанию понятиям религиозным, вследствие чего они действительно могут корреспондировать друг с другом. При этом важная роль в этом процессе принадлежит философии, которая может осуществить философский анализ языка древних религиозных текстов и современных научных теорий и выделить общий, сближающий их смысл.

Ключевые слова: мировоззрение, синтез, метафизика, неоднородность Вселенной, катастрофизм.

Взаимоотношение науки и религии продолжает оставаться одной из основных проблем современной культуры. Это обусловлено тем, что эти две сферы знаний и представлений неизбежно пересекаются при обсуждении основных метафизических вопросов, причем современные научные теории все больше вторгаются в сферу традиционных религиозных представлений. Этот процесс неоднозначно оценивается в научной литературе. Обычно выделяют четыре модели взаимоотношений науки и религии, к которым относят точки зрения разных авторов [1; 19].

Конфликтная модель основана на утверждении, что научное мышление и религиозная вера – совершенно разные и не связанные друг с другом способности человеческого сознания. Сторонники этой позиции утверждают, что научное знание – единственно надежный вид знания, который способен приблизить нас к истине. Все остальные виды знания, в том числе и религиозное, относят к знаниям, недостаточно обоснованным или просто ложным. Вследствие этого наука и религия рассматриваются как конкуренты, особенно в сфере метафизических вопросов, таких как происхождение мироздания и человека. «Наука и религия конкурируют в деле поиска истин о мире, – пишет один из самых ярких сторонников этой позиции Дж. Койн. – И наука – единственная область, способная опровергнуть претензии религии на истину в последней инстанции. Более того, она неоднократно это делала. <...> Религия, с другой стороны, не способна опровергнуть истины, установленные наукой. Именно эта конкуренция и способность науки разрушить гегемонию веры – но не наоборот – порождает многочисленные дискуссии о том, как две эти области соотносятся друг с другом и как найти гармонию между ними» [14, с. 25].

Согласно модели независимости, наука и религия – это не связанные друг с другом способы описания мира, отличающиеся предметом и методами познания, а также языком описания

реальности. Например, Дж. Х. Брук выражает эту позицию следующим образом: «Никаких взаимоотношений между наукой и религией в реальности не существует. Отдельные лица и сообщества вкладывают в это словосочетание самый разный смысл в зависимости от контекста... С возникновением более прагматичных концепций истины <...> появилось гораздо больше оснований утверждать об отсутствии взаимосвязей между научным и религиозным дискурсами – поскольку оба они относятся к четко различающимся сферам деятельности. Исследователи, которые вслед за Витгенштейном анализировали функции языка, выделяли несколько уровней, на которых он может действовать: мир можно описывать самыми разнообразными способами, не сводимыми друг к другу. При таком подходе в принципе можно допустить, что наука и религия сосуществуют, не имея взаимных точек соприкосновения» [6, с. 271–272].

Модель дополнения и диалога особенно популярна среди представителей католического христианства и протестантизма. Она стала продолжением известной теории «двух истин» и сегодня является официальной позицией Римско-католической церкви по вопросу взаимоотношений религии и науки. Согласно этой модели, религия и наука изучают реальность с разных ракурсов и ищут ответы на разные типы вопросов. Так, науку интересуют ответы на вопросы типа «как»: «как это устроено», «как возникло», «как действует». Религию же интересуют вопросы типа «почему»: «почему человек именно такой», «почему существует добро и зло» и т. д. Однако сочетание и дополнение ответов на эти разные вопросы помогает нам создать целостное представление о реальности, которая настолько сложна, что не может быть понята и описана только с одной точки зрения. «Физическая и духовная жизнь – не конкурирующие понятия, а повод и причина для использования взаимодополняющих способов рассмотрения двух аспектов человеческого бытия» [2, с. 54]. Кроме того, именно соотношение и отсутствие противоречий между этими разными взглядами на реальность может служить хорошим критерием истины. «Поскольку истина одна, источник истины один, <...> постольку не могут вера и разум противоречить друг другу. Если мы находим диссонансы между ними, значит, разум ошибался и выводы, к которым мы пришли, ошибочные. <...> Или это означает, что интерпретация истины и веры, которой мы следуем, не верна» [5, с. 106]. Таким образом, диалог между наукой и религией может рассматриваться как способ решения касающихся обеих сторон проблем при сохранении собственной самостоятельности. «Едва ли следует считать обязательной целью диалога создание всеохватывающего синтеза научных, философских и религиозных знаний. Но это не значит, что надо всячески препятствовать таким попыткам. <...> Для плодотворности диалога нужно, чтобы каждая из его сторон была открыта к проблемам другой стороны и не уклонялась от признания проблематичности (а то и кризисности) и в своей собственной традиции» [8, с. 155].

Модель синтеза и интеграции делает главный акцент на родственности и взаимопроникновении религии и науки и, соответственно, на возможности в перспективе слияния религиозного и научного знания в единую картину мира [4; 7; 11; 12; 15]. Прежде всего, указывается на единство предмета изучения религии и науки и решение ими одних и тех же проблем, например, происхождения мира и человека или перспектив развития человеческой цивилизации. В качестве аргумента в пользу сближения религии и науки выдвигается идея, согласно которой полное адекватное постижение действительности возможно только при условии интеграции религиозного и научного познания. Данная модель также ссылается на методологический параллелизм в религии и науке или наличие сходства между религиозными и научными методами познания реальности. Например, в процессе создания научных теорий используется творческое воображение, интуиция, аналогии и модели. В религии же используются специальные предположения (гипотезы *ad hoc*) для устранения встречающихся аномалий, что делает религиозные парадигмы более устойчивыми к критике.

Предметом данного исследования стала модель интеграции религии и науки. Основная цель заключалась в том, чтобы проверить, действительно ли данная модель описывает современные процессы в области представлений, находящихся на пересечении науки и религии. Была выдвинута гипотеза о том, что по мере развития науки и используемых ей методов исследования область научных знаний расширяется за счет проникновения в область религиозных представлений, где и может происходить их синтез.

Прежде чем обсуждать возможность синтеза подобного рода, необходимо понять, чем отличаются и как соотносятся друг с другом эти области познания человеком мира. Действительно, религия и наука познают одну и ту же реальность, но делают это разными способами. Наука опирается на эмпирические методы, вследствие чего способна познать только ту часть

реальности, которая доступна для восприятия человека. Эту часть реальности можно считать достаточно хорошо изученной человеком. Именно о ней у нас имеются не только обширные, но и вполне конкретные знания и представления. Религия же всегда концентрировала свое внимание на той части реальности, которая не доступна для восприятия человека и поэтому не может быть изучена с помощью эмпирического опыта. Вследствие этого она опирается на другие способы познания, например, на мистическое откровение и веру. Религиозное знание имеет иррациональный характер, что является неизбежным следствием познания объектов и явлений, находящихся вне непосредственного наблюдения, и информация о которых крайне ограничена. По этой причине религия формулирует представления, носящие более ориентационный, чем конкретный характер.

Если схематично представить соотношение сфер научного и религиозного познания, то научное знание будет охватывать область существенно уже религиозного, что обусловлено ограниченностью нашего эмпирического опыта. Часть реальности, находящаяся за границами этого опыта, весьма обширна, и представления о ней всегда будут содержать элемент веры. Однако является ли это свидетельством того, что между наукой и религией отсутствует всякая связь и возможные точки пересечения? Скорее, наоборот, это говорит, что по мере расширения возможностей науки ее сфера расширяется и проникает в сферу религиозных знаний. И это далеко не всегда означает полное опровержение религиозных представлений. Довольно часто это подтверждение, уточнение, расширение и описание с помощью языка науки давно известных в религии объектов, явлений или представлений. Многие современные исследователи взаимоотношений религии и науки говорят о возможности корреспондирования религиозной и научной картины мира. Например, В. Э. Багдасарян и С. С. Сулакшин пишут: «Если абсолютных противоречий между религией и наукой не существует, то, следовательно, научные и религиозные положения в объяснении мира должны в пределах достоверно познанного корреспондировать. На определенном этапе развития науки эта корреспондентность была разрушена и дезавуирована. Однако последующие открытия возникший диссонанс стали сглаживать и вести к сближению когнитивных и социальных позиций. Новые научные парадигмы уже не так принципиально противоречивы по отношению к религиозной модели мировосприятия. <...> Соответственно, актуальна задача верификации тезиса о подтверждаемости наукой религиозных знаний» [3, с. 178–179].

Однако процесс взаимопроникновения религиозных и научных знаний непростой и неочевидный с первого взгляда. Главными препятствиями для этого становятся терминологические различия и отсутствие вследствие этого коммуникации между научным сообществом и религиозными конфессиями. Различие языков науки и религии, осложненное разнообразием терминов, используемых в разных религиозных традициях, сильно затрудняет коммуникацию между верующими и учеными, а иногда делает ее просто невозможной. Именно поэтому сторонники возможности интеграции религии и науки говорят о необходимости участия в этом процессе посредника, роль которого может играть философия.

Задачи, решаемые философией в этом процессе, разнообразны. Она рационализирует религиозные представления и переводит их таким образом из сферы веры в сферу разума, делая предметом рационального анализа. В рамках философского исследования возможна интерпретация понятий и терминов, используемых в науке и религии, и выделение общих для них смыслов. Кроме того, философия способна делать мировоззренческие выводы из результатов научного познания, сравнивать их с традиционными религиозными представлениями и формулировать новые понятия и идеи, являющиеся результатом их взаимопроникновения. Таким образом, именно философия является сферой наиболее сильного пересечения и возможного синтеза научных и религиозных знаний и представлений. Идеи о том, что этот синтез возможен именно в рамках создания новой метафизики, придерживаются многие сторонники модели интеграции науки и религии. «О более систематической интеграции можно говорить, если и наука, и религия вносят свой вклад в выработку согласованного мировоззрения в рамках универсальной метафизики», – пишет И. Барбур [4, с. 124]. Такой же позиции придерживается Ю. С. Владимиров: «На наш взгляд, действительно плодотворное мировоззрение должно опираться на философскую систему, проистекающую из конкретных наук, обобщающую и экстраполирующую их выводы за пределы уже исследованного и тем самым выходящую в область религиозных систем. При этом роль философии оказывается промежуточной между наукой и религией» [11, с. 53].

Итак, модель интеграции религии и науки предусматривает возможность расширения научных знаний в область традиционных религиозных представлений. Если это происходит, то именно на границе научного и религиозного знания возникает та область, в которой с помощью философии может быть осуществлен их синтез. Рассмотрим несколько примеров подобного взаимодействия.

Эволюция представлений о неоднородности Вселенной является, на наш взгляд, достаточно красноречивым примером взаимодействия религии и науки. Представление о Вселенной, состоящей из множества миров, появляется именно в религиозной традиции и остается свойственным ей в течение длительного периода времени. Причем понятие «мир» здесь означает другую реальность, отличающуюся своими характеристиками настолько сильно, что делает ее принципиально не воспринимаемой для органов чувств человека.

Самым древним вариантом представления о неоднородной Вселенной является теория семи пространств, или миров (loka), в индийской религиозной традиции. Первым миром является вечная реальность Атмана, которая, постепенно проявляя свое потенциальное содержание, порождает шесть принципов: высший Разум (purusha), предматерию (pradhana), первичную материю (prakriti), великий принцип творения (mahat), самосознание (ahamkara) и первоэлементы (bhuta). Каждому из этих принципов соответствует своя реальность, занимающая определенное пространство.

Согласно буддийским представлениям, Вселенная состоит из трех миров – чувственного мира, мира форм и мира не-форм. Существование и особенности этих миров определяются состоянием сознания существ, их населяющих. Следовательно, от степени развития сознания живых существ зависит не только совершенство того или иного мира, но и возможность восприятия других реальностей. В Абхидхармакоше подробно описываются сферы, на которые разделены эти три мира. Так, чувственный мир можно разделить на восемь великих адвов, населенных различными видами низших существ, четыре континента, на которых обитают животные и люди, и небеса с шестью видами богов. Миры форм и не-форм тоже включают в себя различные сферы, отличающиеся степенью йогического сосредоточения обитающих там богов. При этом важно подчеркнуть, что с точки зрения буддизма вообще нельзя говорить о конечном числе миров и даже Вселенных, так как количество форм жизни и их сознания бесконечно. «Таким тройственным мирам нет числа. Сколь беспредельно пространство (психического опыта), столь беспредельно (и количество) миров» [9, с. 73].

Для западной культуры характерно более простое понимание устройства мироздания, но и оно всегда включало в себя представление, по крайней мере, о двух реальностях – материальной и духовной, существующих в нем. Именно оно характерно для библейского мировоззрения вообще и поэтому присуще учениям всех трех библейских религий – иудаизму, христианству и исламу. Однако западная религиозно-философская традиция дает нам примеры более сложного представления о множестве миров во Вселенной. Так, в гностической философии эта идея получила выражение в концепции эонов. Единое изливается вовне и образует сначала целостный мир вечных духовных существ, олицетворяющих различные божественные свойства и действия. Они являются причинами дальнейшего развития жизни. Далее от этого мира происходят новые излияния, или эманации, причем так, что каждая последующая ступень происходящих существ все дальше удаляется от единого источника жизни, теряет свое совершенство, становится все ограниченнее во времени и пространстве. Последние эоны и представляют собой мир материальных ограниченных форм. Многие гностики очень конкретно говорили о множестве миров, например, Василид насчитывал их не менее 365 «небес». «При таком подходе слово “мир” приходится использовать во множественном числе, – пишет Г. Йонас. – Выражение “миры” означает длинную цепочку подобных близких сфер действия сил, разделение большей космической системы. <...> Обычно их семь или двенадцать (согласно количеству планет или знаков зодиака), но в некоторых системах множественность быстро увеличивается до ошеломляющих и ужасающих величин, доходя до 365 “небес” или неисчислимых “пространств” <...> и “эонов” из “Pistis Sophia”» [13, с. 68–69].

Таким образом, представление о неоднородности Вселенной и наличии других реальностей в ней в течение тысячелетий оставалось неотъемлемой частью религиозного мировоззрения. Однако к XX веку объекты, изучаемые наукой, вышли из сферы непосредственно наблюдаемых явлений. Ярким примером изучения ненаблюдаемых явлений стали инфляционная теория возникновения Вселенной и теория струн. Именно в этих теориях вновь возникает понятие «неоднородность Вселенной». Связанное с ним понятие «множество миров» используется в

этих теориях именно в том значении, в каком оно использовалось в древних религиях и философиях, – как совокупность иных миров, отличающихся от нашего мира характеристиками материи, пространства и времени и вследствие этого не воспринимаемых человеком.

Первым научным вариантом неоднородной Вселенной стала модель Мета Вселенной, созданная в рамках инфляционной теории [16]. Она включает в себя «метagalактики» как локальные области, отличающиеся характеристиками пространства-времени. Одной из них является наша видимая Вселенная. В данном случае появление неоднородности как свойства мироздания было обусловлено теоретическим объяснением возникновения Вселенной. В данной модели оно является следствием колебаний скалярного поля, которые порождают квантовые флуктуации и появление частиц вещества с разными пространственно-временными характеристиками. Этот процесс получил название «кипение пространственно-временной квантовой пены». Раздувание каждого такого «пространственно-временного пузырька» и приводит к образованию Вселенной. Но поскольку таких «пузырьков» много, то и Вселенных, отличающихся друг от друга пространственно-временными характеристиками, будет много. При этом если в пределах одной Метагалактики, например, нашей видимой Вселенной, пространство-время однородно, то в других Метагалактиках, то есть других Вселенных, пространство-время существенно отличается. Вследствие этого они не воспринимаемы человеком и практически не познаваемы для него.

Модель многомерной Вселенной была построена и в теории струн, являющейся одним из самых популярных направлений в современной физике. Согласно этой теории, все элементарные частицы являются мельчайшими колеблющимися струнами, открытые или замкнутые в петли. Эти струны могут колебаться очень разнообразно и иметь разные резонансные частоты. Все наблюдаемые свойства частиц – это проявления резонансных мод колебаний фундаментальных петель струны. Струна может вибрировать бесконечным числом образов, и каждая из мод ее вибрации представляется нам на большом удалении частицей. Математическое моделирование Вселенной, основным элементом которой является не частица, а струна, привело к необходимости введения дополнительных измерений пространства. Теория бозонных струн, например, построена в 26-мерном пространстве-времени, а суперструнные теории – в 10-мерном. Введение дополнительных измерений было обусловлено невозможностью математически рассчитать колебания, соответствующие основным взаимодействиям – гравитационному, электромагнитному, слабому и сильному – в пределах четырехмерного пространства-времени. «Если воспользоваться подходом Калуцы-Клейна, – пишет Ш. Яу, – и задаться вопросом, сколько измерений необходимо, чтобы соединить все четыре силы в рамках единой теории, то с учетом пяти измерений, необходимых для гравитации и электромагнетизма, пары измерений для слабого взаимодействия и еще нескольких для сильного окажется, что минимальное число измерений равно одиннадцати» [17, с. 159]. В результате минимальное число измерений пространства, используемое в теории струн, равно десяти, но допускается, что оно может расти, так как возможные колебания струн слишком многообразны.

Таким образом, мы видим аналогичные представления об устройстве Вселенной, полученные разными способами и описанные с помощью разного языка. Но, несмотря на эти различия, вывод о неоднородности Вселенной является общим мировоззренческим следствием как древних религиозных учений, так и современных научных теорий.

Остановимся еще на одном примере, который свидетельствует о сближении современного научного и религиозного мировоззрения, – на представлении о *катастрофизме и прерывистости развития жизни*. С описанием катастроф разного уровня и масштаба мы встречаемся как в восточной, так и в западной религиозной традиции.

Восточные религиозно-философские учения описывают большое число циклов, которые проходит в своем развитии не только человек и другие формы жизни, существующие на Земле, но и вся Вселенная в целом. С этой точки зрения можно говорить о множестве Вселенных или о разных формах одной Вселенной, сменяющих друг друга в процессе смены временных циклов. При этом сам момент перехода от одного цикла к другому имеет всегда катастрофический характер. Одна из самых первых концепций циклической природы мироздания разработана в индуизме. Вишну-Пурана содержит тщательное деление времени на юги, измеряемые тысячами лет богов. Это является основой для формулировки представления о Днях и Ночах Браммы. Когда брамический День подходит к концу, наступает гибель мира: «Тогда пылают все три мира, земля, мир солнца и луны и другие (миры), а обитатели мира патриархов от жара бегут в мир сыновей Брахмы. Когда все три мира обращаются в единый океан, Брахма, наслаждаясь, возлежит на ложе, насытившись поглощением трех миров» [10, с. 21–22].

Буддизм тоже предлагает тщательно разработанную концепцию космических циклов – кальп разрушения и созидания. Кальпа разрушения охватывает период, начинающийся процессом прекращения новых рождений в адских сферах и завершающийся всеобщим разрушением местопребывания живых существ. Поскольку местопребывание имманентно сознанию его обитателей, то, как только последние исчезают, тот или иной мир тут же прекращает свое существование. Основную массу людей ожидают катастрофические события – войны, болезни, голод и, в конце концов, гибель. Кальпу разрушения завершают двадцать промежуточных или малых кальп, в течение которых имеет место космогоническая пауза, когда мир долгое время пребывает в состоянии полного рассеяния и остается лишь акаша – первичная неоформленная материя.

Говоря о катастрофизме в религиозных представлениях разных народов, нельзя не вспомнить и о встречающихся практически везде описаниях природных катастроф, сопровождающихся массовой гибелью не только людей, но и вообще всего живого на планете. Кроме известного библейского Потопа, к подобным историям необходимо отнести индийский миф о всемирном Потопе и первом человеке Ману, ассирийский миф о Гильгамеше, зороастрийский миф об Йиме и т. д.

В науке принцип катастрофизма долго оставался на периферии научного знания. Теория катастроф Ж. Кювье, созданная еще в первой половине XIX века, не получила дальнейшего развития и была практически забыта в связи с набирающей популярность теорией эволюции Ч. Дарвина. Однако во второй половине XX века идея прерывистости развития вернулась в науку. Основой нового представления о развитии стало очередное расширение возможностей для научного познания: изучение истории жизни на Земле, которая содержит свидетельства прошлых глобальных катастроф, а также исследование процессов самоорганизации в неорганических системах. В результате была создана модель нелинейного эволюционного развития, ставшая основой новой парадигмы глобального эволюционизма [18; 20; 21].

Согласно этой модели, любая открытая система не может существовать стабильно бесконечное долгое время, так как, будучи зависимой от других систем, она испытывает их влияние и «накапливает» изменения. Рано или поздно это приводит к такому сильному изменению всех параметров системы, что она «срывается» в состояние хаоса или катастрофы. В этом состоянии изменения происходят так быстро и кардинально, что предсказать варианты дальнейшего развития системы становится практически невозможно. Сама же система может или погибнуть в изменившихся условиях, или существенным образом трансформироваться, чтобы приспособиться к ним. Таким образом, теории самоорганизации систем доказали, что религиозные представления о глобальных катастрофах в истории Земли не являются вымыслом. Катастрофа как период кардинальных и быстрых изменений является неотъемлемым элементом развития как органических, так и неорганических систем, что и было отражено в свое время в религиозных текстах.

Итак, мы видим, что сфера научного знания расширяется за счет создания теорий о ненаблюдаемых объектах и явлениях, а также за счет изучения ранее недоступных процессов (например, истории жизни на Земле, изменении климата и т. д.). В результате этого процесса наука внедряется в сферу традиционного влияния религиозных представлений, но при этом не всегда опровергает их, а в ряде случаев углубляет и уточняет. В научных теориях появляются понятия, аналогичные по своему содержанию понятиям религиозным, вследствие чего они действительно могут корреспондировать друг с другом. Однако без вмешательства философии данная тенденция может не реализоваться в полной мере. Язык религиозных и научных текстов настолько различен, что требуется их философский анализ и выделение общего, сближающего их, смысла. Только в этом случае можно будет говорить о создании новой метафизики, в рамках которой и могут быть намечены основы представлений, снимающих противоречия между религией и наукой.

Список литературы

1. Александр Д. Модели взаимоотношений между наукой и религией // Фарадеевские доклады. Апр. 2010. № 3. С. 1–5.
2. Александр Д., Уайт Р. Наука и религия: друзья или враги? Христианский взгляд на последние научные достижения : пер. с англ. СПб. : Шандал, 2009. 336 с.
3. Багдасарян В. Э., Сулакишин С. С. Религиозное и научное познание. М. : Научный эксперт, 2013. 344 с.

4. Барбур И. Религия и наука: история и современность : пер. с англ. СПб. : Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2000. 428 с.
5. Бонет Э. Основные принципы соотношения веры и разума в документе «Fidea et Ratio» // Наука и религия: в поисках единой картины мира: материалы международного «круглого стола» (Москва, 19 марта 2015). М. : РИТМ, 2015. С. 100–107.
6. Брук Дж. Наука и религия: историческая перспектива : пер. с англ. СПб. : Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2004. 352 с.
7. Бутру Э. Наука и религия в современной философии : пер. с франц. М. : КРАСАНД, 2010. 360 с.
8. Василенко Л. Диалог христианской веры и науки // Общественные науки и современность. 1993. № 3. С. 152–163.
9. Васубандху. Абхидхармакоша (Энциклопедия Абхидхармы). СПб. : Андреев и сыновья, 1994. 336 с.
10. Вишну-Пурана : пер. с санскр. Кн. 1. СПб. : Изд-во ОВК, 1995. 256 с.
11. Владимиров Ю. С. Фундаментальная физика, философия и религия. Кострома : Изд-во МИИЦАОСТ, 1996. 226 с.
12. Владимиров Ю. С. Предисловие редактора. О диалоге представителей науки и церкви // Христианство и наука : сб. докладов конф. М. : РУДН, 2008. С. 3–11.
13. Йонас Г. Гностицизм (Гностическая религия) : пер. с англ. СПб. : Лань, 1998. 384 с.
14. Койн Дж. Вера против фактов. Почему наука и религия несовместимы : пер. с англ. М. : Альпина Паблишер, 2017. 384 с.
15. Кулаков Ю. И. Синтез науки и религии // Вопросы философии. 1999. № 2. С. 142–153.
16. Линде А. Д. Физика элементарных частиц и инфляционная космология. М. : Наука, 1990. 280 с.
17. Яу Ш, Надис С. Теория струн и скрытые измерения Вселенной : пер. с англ. СПб. : Питер, 2012. 400 с.
18. Naken H. Information and Self-Organization: A Macroscopic Approach to Complex Systems. Germany, Springer, 2000. 232 p.
19. Polkinghorne J. Science and Religion in Quest of Truth. New Haven, Yale University Press, 2011. 160 p.
20. Prigogine I., Stengers I. Order out of chaos: man's new dialogue with nature. New York : Bantam Books, 1984. 349 p.
21. Thom R. Structural stability and morphogenesis: an outline of a general theory of models. London : W. A. Benjamin, Inc., Reading, Massachusetts, 1975. 341 p.

The relationship between religion and science in the modern world: philosophical analysis of the integration model

T. N. Klementieva

PhD of Philosophical Sciences, associate professor of the Department of philosophy, Novosibirsk State Medical University. Russia, Novosibirsk. ORCID: 0000-0002-7314-4633. E-mail: tklementyeva@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the study of models of relations between religion and science in the modern world. The relevance of this topic is due to the fact that these two spheres of knowledge and ideas inevitably intersect when discussing the main metaphysical issues, and modern scientific theories are increasingly intruding into the sphere of traditional religious ideas. The author describes the main models of relations between religion and science offered in modern literature: incompatibility and conflict, independence, complementarity and dialogue, synthesis and integration. The subject of this research is the model of integration of religion and science. The purpose of the study was to test whether this model really describes modern processes in the field of ideas that are at the intersection of science and religion. As a result, it was shown that religion and science study different but overlapping areas of the same reality. With the development of science and its research methods, the field of scientific knowledge expands due to the penetration into the sphere of religious beliefs. It is at the border of scientific and religious knowledge that the field arises in which their synthesis can be carried out with the help of philosophy. The analysis of ideas about the heterogeneity of the Universe and catastrophism in religion and science has shown that the sphere of scientific knowledge is expanding by creating theories about unobservable objects and phenomena, as well as by studying previously inaccessible processes. As a result, science is introduced into the sphere of traditional influence of religious beliefs, but it does not refute them, but rather deepens and clarifies them. In scientific theories, concepts that are similar in content to religious concepts appear, so that they can actually correspond with each other. At the same time, an important role in this process belongs to philosophy, which can carry out a philosophical analysis of the language of ancient religious texts and modern scientific theories and identify a common meaning that brings them together.

Keywords: worldview, synthesis, metaphysics, heterogeneity of the Universe, catastrophism.

References

1. Aleksander D. *Modeli vzaimootnoshenij mezhdru naukoj i religiej* [Models of relations between science and religion] // *Faradeevskie doklady – Faraday reports*. Apr. 2010. No. 3. Pp. 1–5.
2. Alexander D., White R. *Nauka i religiya: druz'ya ili vragi? Hristianskij vzglyad na poslednie nauchnye dostizheniya* : per. s angl. [Science and religion: friends or enemies? Christian view on recent scientific achievements : transl. from English]. SPb. Shandal. 2009. 336 p.
3. Bagdasaryan V. E., Sulakshin S. S. *Religioznoe i nauchnoe poznanie* [Religious and scientific knowledge]. M. Nauchnyj expert. 2013. 344 p.
4. Barbour I. *Religiya i nauka: istoriya i sovremennost'* : per. s angl. [Religion and science: history and modernity : transl. from English]. SPb. St. Andrew's Bible and Theological Institute. 2000. 428 p.
5. Bonet E. *Osnovnye principy sootnosheniya very i razuma v dokumente "Fidea et Ratio"* [Basic principles of the ratio of faith and reason in the document "Fidea Et Ratio"] // *Nauka i religiya: v poiskah edinoj kartiny mira : materialy mezhdunarodnogo "kruglogo stola" (Moskva, 19 marta 2015)* – Science and religion: in search of a unified picture of the world : materials of the international "round table" (Moscow, March 19, 2015). M. RITM. 2015. Pp. 100–107.
6. Brook J. *Nauka i religiya: istoricheskaya perspektiva* : per. s angl. [Science and religion: a historical perspective : transl. from English]. SPb. St. Andrew's Bible and Theological Institute 2004. 352 p.
7. Butro E. *Nauka i religiya v sovremennoj filosofii* : per. s franc. [Science and religion in contemporary philosophy : translated from French]. M. KRASAND. 2010. 360 p.
8. Vasilenko L. *Dialog hristianskoj very i nauki* [Dialog of Christian faith and science] // *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* – Social Sciences and modernity. 1993. No. 3. Pp. 152–163.
9. Vasubandhu. *Abhidharmakosha (Enciklopediya Abhidharmy)* [Abhidharmakosha (Encyclopedia of Abhidharma)]. SPb. Andreev and sons. 1994. 336 p.
10. *Vishnu-Purana* : per. s sanskr. Kn. 1 – Vishnu-Purana : transl. from Sanskr. Book 1. SPb. OVK. 1995. 256 p.
11. Vladimirov Yu. S. *Fundamental'naya fizika, filosofiya i religiya* [Fundamental physics, philosophy and religion]. Kostroma. MIICAOST. 1996. 226 p.
12. Vladimirov Yu. S. *Predislovie redaktora. O dialoge predstavitelej nauki i cerkvi* [Editor's preface. On the dialogue between representatives of science and the Church] // *Hristianstvo i nauka : sb. dokladov konf.* – Christianity and science : collection of reports from conf. M. RUPF. 2008. Pp. 3–11.
13. Jonas G. *Gnosticizm (Gnosticheskaya religiya)* : per. s angl. [Gnosticism (Gnostic religion) : transl. from English]. SPb. Lan'. 1998. 384 p.
14. Coyne Jnr. *Vera protiv faktov. Pochemu nauka i religiya nesovmestimy* : per. s angl. [Faith versus facts. Why science and religion are incompatible : transl. from English]. M. Alpina. 2017. 384 p.
15. Kulakov Yu. I. *Sintez nauki i religii* [Synthesis of science and religion] // *Voprosy filosofii* – Issues of philosophy. 1999. No. 2. Pp. 142–153.
16. Linde A. D. *Fizika elementarnyh chastic i inflyacionnaya kosmologiya* [Physics of elementary particles and inflationary cosmology]. M. Nauka. 1990. 280 p.
17. Yau Sh., Nadis S. *Teoriya strun i skrytye izmereniya Vselennoj* : per. s angl. [String theory and hidden dimensions of the Universe : transl. from English]. SPb. Piter. 2012. 400 p.
18. Haken H. *Information and Self-Organization: A Macroscopic Approach to Complex Systems*. Germany, Springer, 2000. 232 p.
19. Polkinghorne J. *Science and Religion in Quest of Truth*. New Haven, Yale University Press, 2011. 160 p.
20. Prigogine I., Stengers I. *Order out of chaos: man's new dialogue with nature*. New York : Bantam Books, 1984. 349 p.
21. Thom R. *Structural stability and morphogenesis: an outline of a general theory of models*. London : W.A. Benjamin, Inc., Reading, Massachusetts, 1975. 341 p.